

ИНТЕРВЬЮ с ПОТЫЛИЦЫНЫМ СЕРГЕЕМ АНАТОЛЬЕВИЧЕМ
7-8 декабря 1991

(23сч) 4 2-1

Родился я в Минусинске, это Красноярский край, но в сущности я там практически не жил, меня оттуда вывезли ещё ребёнком, так что я там только родился. Правда, впоследствии я там бывал, но у меня нет ощущения, что моя Родина там.

- А куда Вы потом переехали?

С.П.- Мы жили и на Украине, и в Молдавии, а сейчас я живу в Нальчике, это Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, тоже там сейчас интересные события происходят. Балкария заявила, что хочет тоже создать свою республику, не в составе Кабардино-Балкарии, а просто так.

- Какая у Вас точка зрения на все эти события?

С.П. - Не могу сказать, что это неправильно. Если действительно каждый народ имеет право на самоопределение, то почему какие-то народы должны быть исключением. По-моему, больше из этого делают проблему, мне так кажется. Потому что обретение суверенитета тем или иным небольшим народом, это не является синонимом изоляции. Но почему-то пытаются представить именно, что это так. Что отделились, так... Просто, делают из этого проблему, мне так кажется. Без суверенитета, мне кажется, той или иной национальности довольно трудно реализовать свои национальные чаяния. И поэтому вполне естественно их стремление, раз уж такая представляется возможность. Несколько лет назад об этом вообще речь не стояла, потому что это было нереально. Если это сейчас стало реально, то пользоваться этой возможностью, я думаю, в этом нет ничего предосудительного.

- На каком там языке говорят?

С.П. - Есть кабардинский язык и балкарский язык, языки совершенно разные, ничего общего нет. Украинцы и русские, они хоть

друг друга понимают, а кабардинцы и балкарцы абсолютно друг друга не понимают, абсолютно разные языки. И вообще это очень искусственно образование. Я плохо знаю историю, но чтобы один народ и другой привязать друг к другу и сделать республику... А раз искусственно, значит, противоестественно. И то, что сейчас хотят от этой неестественности отойти, в этом нет ничего плохого.

- Скажите, когда Вы родились, какого числа, в каком году?

С.П. - 14 апреля 1950 года.

- А где Вы учились?

С.П. - Я учился естественно в школе, а потом на этом моем образования и закончились, потому что меня призвали в армию, мне было восемнадцать лет, я никуда еще не поступал. И когда я отказался от службы в армии, у меня уже такой появился статус, тем более, когда уже признали невменяемым в связи с этим поступком, то уже не могло быть и речи о каком-то образовании. Знаете, это уже статус душевнобольного человека, незавидный, слишком много ограничений потом.

- А Вы отказались от службы в армии только из-за событий в Чехословакии, или еще какие-то были причины?

С.П. - В том заявлении, которое я подал на имя военкома, была только указана именно эта причина, других причин я не указывал. Вы знаете, во-первых, мне тогда было восемнадцать лет, уже много лет прошло, слишком много лет прошло с тех пор и я честно говоря уже даже не помню всех деталей. И конечно, я тогда был не такой, как сейчас, что там говорить, годы накладывают отпечаток.

- Для Вас лично были какие-то еще причины?

С.П. - Это была основная причина. И оглядываясь назад я и сам удивлялся, что живя в такой среде, в сущности, я оказался совер-

шенно единственным, кто так поступил.

- Как в Вашей семье отнеслись к этому?

С.П. - Я с матерью жил, и я слишком рано был независимым, принимал решения. Я не скажу, что мать меня судили - нет.

- А друзья? /Пауза/

С.П. - Ну, что касается школьных друзей, то в это время я жил там, где у меня уже не было общения со школьными друзьями. А, скажем, по месту работы у меня не было таких друзей. Знаете, очень близких отношений, чтобы... Я просто этими мыслями не делился. Мне пришла повестка, я по этой повестке явился в военкомат и написал заявление, вот и всё, больше я ни с кем не делился.

- Это было Вашим личным протестом?

С.П. - Да, это можно назвать протестом, но, по-моему, это слишком громко. /Пауза/. Я не люблю высокопарных слов... Это была оккупационная армия, я должен был служить в оккупационной армии. К тому времени, правда, я уже знал и о венгерских событиях 1956 года, когда также с помощью советских танков была венгерская революция подавлена. Но конечно, в ту пору я не располагал тем объёмом информации, которым я сейчас располагаю. Сейчас я понимаю, что вообще вся власть большевистская, это просто бандитская власть и с 1917 года она всегда была бандитской. А тогда я, честно говоря, не располагал достаточным объёмом информации.

- А откуда Вы узнали о венгерских событиях? Откуда у Вас о них была информация?

С.П. - Я сейчас уже не помню, наверное, из радиоголосов. Скорее всего. Потому что я слушал голоса, конечно. Радио "Свободу", "Голос Америки". Наверное оттуда.

- А когда Вы начали их слушать? В школе?

- Когда Вы начали слушать голоса? В школе?

С.П. - Я не помню. У нас был такой плохонький приёмник, ламповый. Я не знаю, может быть, с шестнадцати лет, может быть, с семнадцати, плюс-минус там, я не помню точно, когда. Когда я этим заинтересовался.

- А о Чехославацких событиях тоже из радио и из газет?

С.П. - Да, вот что касается Чехославацких событий, то да, я черпал информацию из нашей советской прессы, из жвачки этой пропагандистской. Вообще, газеты советские было невозможно читать настолько они глупы были в ту пору. Сейчас газеты интересно читать. Оказалось, что у нас много интересных журналистов, которые превосходно пишут. Наверное, они были и тогда превосходными журналистами, а писали такой вздор, что просто было стыдно от таких авторов.

- Какие газеты Вы сейчас читаете?

С.П. - "Комсомолку", "Аргументы и факты", иногда "Литературку". Выписываю я "Комсомолку" и "Аргументы и факты" и всё.

- Какие Вы книги читали тогда, что на Вас какое-то впечатление произвело?

С.П. - В основном я всё-таки классику читал. Толстой, Чехов, другие... Гончаров.

- Наверное, никакой самиздат до Вас не доходил?

С.П. - В ту пору я вообще о самиздате только знал по радиоголосам, в ту пору абсолютно ничего мне не попадалось. Вообще с самиздатом я впервые соприкоснулся после второго освобождения, в 1978 году, тогда уже попадалось много материалов и всё это было, конечно, ужасно интересно. Ну а сейчас о каком самиздате может идти речь! И конечно тогда я восхищался теми людьми, которые несли такую информацию. В народ.

- В школе Вы были в комсомоле?

С.П. - Естественно я был в комсомоле. И в пионерии был, и октябрёнком был. В комсомол принимают в 14 лет, а в 14 лет я просто был сопляком. Не знаю, есть люди, которые раньше взрослеют, а я, по-моему, взрослел с опозданием. Мне так кажется. Никак я особенно не относился к комсомолу, всё это очень формально было. Нельзя сказать, что критически. Мне было 14 лет - ну, приняли, всех принимали.

- Никакой роли это не играло?

С.П. - Абсолютно. А я активистом никогда не был. И вообще общественная деятельность меня никогда не привлекала. Как не привлекает и сейчас.

- А как тогда, так сейчас - Вы не считаете, что можете изменить что-то в том, что существует?

С.П. - Вы знаете, я довольно поздно прочитал прекрасную вещь Солженицына "Жить не по лжи". Он, собственно, прямо даёт подсказку, как можно жить в этих условиях. Потому что понятно, что людей-борцов не так много, люди мало, кто способен приносить себя в жертву ради идей, или ради чего-то, во имя свободы. Но каждый человек может, по крайней мере, уклоняться от явного служения этой дьявольской системе. И в сущности получилось, что мой отказ от службы в армии, это и было уклонение от служения дьявольской системе. Это не было каким-то громким протестом, я вообще даже и не придавал огласке свой поступок. Так что, знаете, эта система, она существовала не потому, что у неё не было противников, у этой системы, а потому, что люди просто верой и правдой служили этой системе. Включая тех же журналистов. Понимаете, ну что заставляло людей, которые понимали, что к чему, всё-таки писать ложь! Я так до сих пор этого не пойму.

Что вообще заставляет людей идти на сделку с совестью, такую явную сделку. Я не хочу сказать, что нужно быть активистом и бороться против этой системы, на это способны единицы. Но по крайней мере не служить этой системе. Это было по силам каждому. Абсолютно каждому.

- Я не думаю, мне кажется, что это очень страшно. Мне кажется, что это совершенно не просто – отказаться от службы в армии.

С.П. – Я не имею в виду службу в армии. Я имею в виду не служить этой системе. Не писать ложь. Не ходить на эти демонстрации, где "Слава КПСС", "Великая Октябрьская...". Если вы не придёте на демонстрацию 7-го, можно сказать, что вы больны были, уж если вы не способны сказать, что не хотите. Больны были. А поскольку это выходной день, то вам просто не нужно больничный предъявлять. Вот и всё. Вы были больны. Всё равно как-то можно было уклоняться. Не бить себя в грудь, не рвать на себе рубашку, но как-то уклоняться всё-таки были возможности. Но люди такими возможностями никогда не пользовались.

- А Вы знали о существовании диссидентов, борцов с режимом?

С.П. – Да, опять-таки из радиоголосов, да и не только из радиоголосов, но из советской прессы. Если грязью обливают, то наверное хороший человек.

- А о ком Вы слышали тогда?

С.П. – О ком я слышал в 1968 году... Вы знаете, к стыду своему я должен сказать, что я даже сейчас непомню. Кто ж там был? По-моему, генерал Григоренко, если я не ошибаюсь. Или это было позже, это было уже после освобождения... Уже в семидесятом.

- Вы стремились к ним? У Вас было желание присоединиться, участвовать в борьбе? Или Вы просто считали, что будете жить не по лжи?

С.П. - Вы знаете, я по натуре просто не борец. Нет, у меня не было такого стремления, хотя, скажем, просто пообщаться с этими людьми, просто побывать с ними, конечно, у меня такое желание было.

- Но Вы ничего для этого не делали?

С.П. - Нет, я ничего для этого не предпринимал. Я вообще впервые с некоторыми соприкоснулся уже после освобождения в 1978 году, когда я поехал в Москву. Там была уже Хельсингская группа. А поскольку я знал, что есть в рамках этой Хельсингской группы ещё группа, которая ведала психушками, я нашёл адреса этих людей, встретился.

- А как Вы нашли адреса?

С.П. - Нашёл от кого-то. Это надо вспомнить. Наверное, у кого-то из своих друзей. Когда я освободился, я поехал к своему другу, который освободился раньше меня. Кажется, от него.

- Как его зовут?

С.П. - Швачка Николай. Правда, потом он изменил себе имя. У него ещё в семнадцать лет была попытка захвата самолёта. Ещё тогда. Какой это был год? Наверное, 1965-66. Потому что он был почти что мой ровесник, на год старше. И он тоже был в психушке в общей сложности, по моему лет десять. Сначала он в Казани был, а встретились мы с ним в Днепропетровске, его из Казани потом перевели в Днепропетровск, а я сразу попал в Днепропетровск.

- Куда он хотел улететь?

С.П. - В Турцию. Если я не ошибаюсь, рейсом Сухуми-Батуми. Так что он был один из первых. Это потом уже угоны как горох посыпались.

- Он один его захватывал, или с кем-то?

С.П. - Нет, он был не один, с другом. О судьбе друга он так

толком и не знает. Но он в психушку не попал. По-моему, ему дали срок, или что-то другое. У них связь оборвалась после этого.

- А того человека как звали?

С.П. - Не знаю. Я не фиксировал в памяти этого. У меня память так устроена - она отсеивает то, что не является насущным.

- Вы с ним были в одной психушке?

С.П. - Да. Её официальное название довольно длинное. За этим названием как-то не скрывается её сущность. Она называется психиатрическая больница специального типа. Потому что есть обычный тип больницы - городские там, областные, для психически больных людей просто. А вот эти спецпсихушки, это для больных, которые, как на юридическом языке говорится, "сове шили противоправные действия". Или "общественно опасные деяния".

- Ведь многих тогда в спецы помещали?

С.П. - Это зависело от статьи. Кража, это тоже общественно-опасное деяние. За кражу многие попадали в вольную больницу, но я таких же, по этой же статье встречал и на спецу. И за грабёж. А в "табели о рангах" это опаснее, чем просто кража. И тоже я знаю, что одни попадали в вольную психушку, другие попадали на спец. Знаете, среди этих грабёжников, грабителей, на лагерном жаргоне их гоп-столщиками называют, очень часто встречались просто симулянты. Причём, они симулировали, не предполагая, что попадут в спецпсихушку, потому что спецпсихушка, это очень страшная штука. Это тюрьма с каким-то таким изуитским режимом. В двух словах не расскажешь, конечно. А они косили с тем, чтобы попасть в вольную психушку, а вольная психушка, это лучше, чем тюрьма. Но иногда они попадали всё-таки в спец. А остальной контингент этих психушек, скажем, восемьдесят процентов, это были убийцы, которые были признаны невменяемыми во время совершения убийства.

- Там были ещё люди, посаженные за убеждения?

С.П. - Да, конечно. Где я был, там был и Плющ Леонид Иванович, если Вы о нём слышали. Я знаю, что он в Союзе. Он был в Москве в связи со встречей римского движения, участников римского движения. После этого он поехал на Украину, в Киев.

Мы были на одном отделении не так уж долго. Я был на двенадцатом отделении, и он тоже, когда поступил, тоже был на двенадцатом. Общались. И, кстати сказать, мне за общение с ним назначили лечение. Я даже не помню, галапиридон мне назначили, или сульфазит. Не помню. Врач вызывает меня и говорит /пауза/ - столько лет уже много прошло, я просто не могу передать это дословно, со стенографической точностью, но всё свелось к тому, что я поступаю очень скверно, что я с ним общаюсь. Как мне дали это понять, я просто не помню. Но я говорил, что я с ним общаюсь просто как с математиком, мне интересно именно в этом разрезе с ним общаться, но тем не менее всё-таки, это меня не спасло, мне назначили это лечение, которое было очень трудно переносить.

- Как это происходило? Вас заставляли есть таблетки?

С.П. - Да, глотать таблетки, там проверяли, если были те, которые отказывались попросту, их сажали на иглу. Начинали в инъекциях лечить. Или если поймают, что кто-то прячет эти таблетки, или выплёвывает, значит, тоже сажали на иглу.

- Какие были эффекты от этих таблеток?

С.П. - Передать довольно сложно. Это надо самому, что ли, по-пробовать. Но ощущения.../пауза/. Как это передать? Вот вы идёте, а у вас какая-то потребность лечь. Вы только ляжете - у вас потребность тут же встать. Такие ощущения, они по-моему, даже депрессии вызывают.

- То есть, какую-то дестабилизацию внутреннюю вызывают?

С.П. - Да, чувство тревоги, чувство безысходности. Скверное состояние. Я не знаю, какими словами это передать, но достаточно сказать, что именно под воздействием этих таблеток многие накладывают на себя руки. И противиться своему положению - не возникает у него этих мыслей. Под воздействием этих таблеток, очень многие. Под воздействием этих лекарств. Потому что за те годы, что я там пробыл, там очень много людей покончило с собой, а ещё было больше попыток - попытка, которая не завершилась смертью.

- Вам приходили в голову такие мысли? Вы не пытались?

С.П. - Я не пытался. Но чувство безысходности у меня было. Поэтому что, понимаете, ведь нет никакого срока. Ведь человеку по суду дают срок, у него есть какой-то предел. Этот срок может быть большим. Может быть десять лет, пять лет. Но у него есть какой-то отсчёт. Полсрока отсидел, две трети. А тут, понимаете, тут нечего отсчитывать. Тем более, когда это происходит на фоне того, когда видишь людей, которые уже десять лет отсидели, восемнадцать лет отсидели, которые вообще сидели-сидели и так там и умерли, вообще не освободились. Это, конечно, очень угнетающе действовало. Когда врачи просто так нагло и говорят: "Вам нужно лечиться."

- Как Вы там жили? Сколько в палатах человек было?

С.П. - Палаты разные были. Палаты. Если их можно вообще назвать палатами. Да... самые маленькие были, по-моему человек на шесть. А большие, там на несколько десятков. Там сорок, сорок пять. Такие большие, огромные камеры. Во-первых, днепровский спец, он был на территории тюрьмы, причём эта тюрьма, построенная при Екатерине ещё, это неважно, в общем, дореволюционная. Причём

в самом городе. На улице Чичерина, 101, если я не ошибаюсь. Это её адрес. А учреждение называлось это ЯЭ 308 РВ. Как все исправительно-трудовые учреждения. Все они имели эти шифры. И в том числе и спецпсихушки тоже имели шифры.

- Там могло быть такое, что посадят двух диссидентов в одной камере?

С.П. - Вы знаете, они как-то были разбросаны, рассеяны. Какие там? За попытку перехода границы - раз, потом по семидесятой статье - это агитация и пропаганда, антисоветская и 190 прим. Такая формулировка: "Заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Такое длинное, длинное и бездарное название этой статьи. Но их было, всё-таки достаточно много, чтобы не было возможности, действительно их полностью друг от друга изолировать. В каждом отделении было по несколько человек. Кто-то был в одной камере, кто-то в другой камере. Кого-то и в одной камере держали. В какой-то степени можно было общаться.

- Вы имели право выходить из камер?

С.П. - Во-первых, можно было общаться на прогулке, нас водили на прогулку, полагалось час, час прогулки. Конечно, там меньше часа. Пока там на сборы, пока спуститься, да потом после прогулки подняться. В общем, продолжительность прогулки где-то минут сорок, сорок пять составляла, не больше. И загоняли в один двор, обычно по три отделения. Поэтому через прогулку можно было общаться. Потом второй канал общения, это был через работы. Работы, скажем, в прачечной или на кухне. Так называемый пищеблок, такое название казённое. Потом там организовали чуть позже швейный цех. Там строительные кое-какие работы были. Я, в частности работал дворником. Но дворником

я не много работал. По тем срокам, которым там находишься, кажется... ну, полгода или год. Потом меня закрыли, опять-таки за общение. Кто-то ко мне подходил, кто-то это фиксировал, кто-то стучал. Стукачей в нашей стране всегда было много. И на свободе, и в лагерях, и в том числе и в психушке.

- Стучали свои же?

С.П. - Ну, уголовники. В основном. Но если по политической статье, это же не значит, что он святой. Наверное и там были стукачи. Причём, одни были стукачи, их было видно невооружённым глазом, можно сказать, что у него это на лбу написано. Но, наверное, я думаю, что были стукачи, на которых не подумаешь. Да. И вот в связи с этим вызывает меня врач и говорит: "Всё, назначаю лечение". Я пытаюсь выяснить, почему. Она не отвечает. Я говорю: "Объясните хоть, я буду знать. Может быть, я что-нибудь натворил и сам даже об этом не знаю!" В конце концов мне удалось выдавить из неё, что я подходил к прогулочному дворику, заговаривал. Яценко, я даже фамилию помню, зовут, по моему, Слава, Слава Яценко. Я объясняю: "Он просто обратился ко мне, попросил покурить и всё". Представляете, нужно было всё время оправдываться, просто контакты пресекались. До какой дикости вообще наше общество дошло. Я не понимаю тех врачей, которые могли пресекать общение. Как можно? У нас же есть потребность общаться! Но в этом они видели крамолу. Ведь не обязательно же было говорить о политике, критиковать чего-то, но просто пообщаться, понимаете, живые люди. В этом они видели крамолу. Таким образом, меня один раз посадили на лечение за общение с Плющом, а потом, когда я работал дворником, а надо сказать, что эта работа мне очень нравилась, потому что я довольно много времени проводил на воздухе. Вставал рано.

- 13 -

когда была зима, ещё было темно, нужно было снег расчистить. Летом просто мусор подметать. Мне эта работа нравилась, прямо скажем. В тех условиях это была классная работа. Но, к сожалению, я не смог на ней долго продержаться.

- А Яценко за что там был?

С.П. - Мы были в разных отделениях, поэтому я не имел возможности с ним плотно общаться. Только урывками. Такое движение, даже не правозащитное, а по-моему, экстремистского толка. Антикоммунистическое. Такая группа была. У них было довольно странное название, я помню. Я спросил: "Ваша группа имеет название"? - "Да." Я думал, какая-то партия, а это не партия, а группа была, называется "Опавшие листья". Я пытался выяснить, почему такое поэтическое, такое странное название, он мне это как-то объяснял, но я этого объяснения уже не помню. Что это за "Опавшие листья". Вроде бы он там был не один, сколько их там было человек. Он даже говорил, что у них была идея, был план освободить... Кого же освободить - я не помню. Не буду врать, я просто уже забыл.

- А они пытались это осуществить?

С.П. - Да.

- Он из какого города был?

С.П. - Где-то из Сибири, по-моему, в Красноярске. Но я не ручаюсь.

- Вы потом не общались?

С.П. - Да. Его тоже потом здорово стали лечить, а когда человека лечат, то он становится малоконтактным. Когда начинают шпиговать этими невралитиками, то уже состояние такое, что малокоммуникабельным становишься. Его глушили. И, кстати сказать, Плюща здорово глушили. В нашем отделении врач, Каменец-

кая Элла Петровна, знаете, она корчила из себя такую либералку. Демонстративно какие-то послабления делала. Именно демонстративно. Потому что по своей сущности, у неё есть, по-моему, наклонности и садистские. Потому что, скажем, у неё на глазах избивают человека и она не пресекает этого. С любопытством, с интересом наблюдает. Ну что это за женщина? Не знаю. Да. Но Плюща она не глушила этими лекарствами. Сколько он у нас пробыл, я затрудняюсь сказать. Может быть, месяц, может быть, полтора. Его потом перевели в другое отделение. И вот в другом отделении его действительно начали глушить. Здорово. Конечно, он уже был мало-контактным.

- Его глушили за общение, или за что-то ещё?

С.П. - Вы знаете, это такая кухня, у этой психушки, я не могу сказать, что я сам в ней хорошо разобрался. Или это может быть личной инициативой врача. Допустим, врач может питать симпатию или антипатию. Врач может, конечно, по личной инициативе, никого ему в этом непомешает. Или это по указанию КГБ, скажем, могло сделаться. Вот я такое допускаю. Хотя, у меня нет, скажет, доказательств и фактов, но я так предполагаю.

- Врачи с вами по-хамски обращались?

С.П. - Все люди разные, так и разные врачи были. Формально, допустим, она может обращаться на вы и говорить тихим голосом, но вас терроризировать этими лекарствами. Другая может быть, может не стесняться в выражениях, но не терроризировать этими лекарствами. Тут, Вы знаете, они очень разные.

- Не было общей установки давить морально, орать?

С.П. - Вы знаете, у них специальной необходимости давить морально не было, но сама атмосфера, которая там царила, сама по себе давила. В так называемых санитарах там были просто заключённые.

Если в обычных психбольницах санитары, это обычно нормальные люди, которые нанимаются туда, мужчины и женщины, то здесь это уголовники, как правило, с не очень большими сроками, по три, по пять лет. Я говорю небольшие сроки - это я их так уже воспринимаю. Кто десять сидит, тем кажется, что три года - это детский срок. Хотя конечно, и одна неделя заключения, это тяжело для нормального человека. Причём, у них у всех, у подавляющего большинства была возможность освободиться за примерное поведение через полсрока, условно-досрочное освобождение, так называемое. Или попасть на так называемую химию. Но по сравнению, скажем с зоной, где тяжёлый труд, нормы, скучное питание, быть санитаром в этих психушках, это физически, конечно, было легче. Потому что работа, прямо скажем, не пыльная. Курточки одевают, когда приходят на смену, им дают ключ, открывать дверь, закрывать, выпускать вот этих на работу.

- Они ещё и чувствуют себя начальниками?

С.П. - Да, они чувствуют себя начальниками. Очень интересно было наблюдать метаморфозы этих людей. Приходит какой-то такой зачуханный, жалкий, после следствия, после суда, весь сжавшийся, и как он весь расцветает за короткое время, причём. Несколько дней - и уже он ходит в начальниках, уже у него такой рыв появляется.

08.12.1991.

- Когда Вам было 18 лет Вы имели представление о ГБ, что это такое и что Вас может ждать после этого заявления?

С.П. - Я имел о нём некоторое представление, но, конечно, не в том объёме, как сейчас.

- А что Вы знали об этой организации?

С.П. - Знал то, что она преследовала инакомыслящих. Но те масштабы, которые я узнал впоследствии, конечно, они превзошли не в пять, не в десять, не в сто, а я не знаю... в тысячу раз по сравнению с представлением, которое я имел раньше.

- А что Вам было известно о репрессиях тридцатых годов?

С.П. - О тридцатых годах, в том-то и дело, что о всём периоде деятельности ЧК до КГБ, я не имел достаточно объёмного представления. И вообще, Вы знаете, Вы спрашиваете меня о таких вещах, у меня столько после этого было событий в жизни. Те годы у меня уже отошли не на второй, а я не знаю... на седьмой план, на двенадцатый план. Поэтому мне надо действительно делать над собой усилие, вспоминать, что я в ту пору думал, что я там чувствовал. Мне трудно сейчас восстановить это в памяти.

- Этот период жизни для Вас незначим?

С.П. - Нет, просто по сравнению с тем, что я потом пережил, он не то, что не значим. Наверное, каждый период в жизни человека значим. Наверное, четырёхлетний, пятилетний человек что-то впитывает из окружающего и формируется с самого детства, для человека, наверное, всё значимо. Но по эмоциональному накалу, это, в общем-то были цветики. А ягодки, они уже были потом.

- А у Вас в семье никто не был репрессирован в тридцатые годы или позже?

С.П. - Уже впоследствии я узнал, но это значительно позже, уже после всех моих одиссеи, я узнал, что у меня был дед по отцовской линии священником. Его забрали и всё. И с тех пор его судьба неизвестна. Убит он был, расстрелян или умер, это неизвестно. Знаете, вообще-то это для меня непринципиально,

были именно у меня близкие репрессированы, не были. Что в сущности это меняет. Это не меняет моего отношения к этой системе. Она в любом случае преступна, история человечества ещё не знала такого размаха, такого масштаба преступления. И от того, что непосредственно пострадала моя семья, или мои близкие, или мои предки, что в сущности это меняет?

- Годы, проведённые в психбольнице оказали большое влияние на формирование Вашей личности?

С.П. - Я думаю, что оказали. Мне кажется, я не стал лучше от того, что я через это прошёл. Мне кажется, я в детстве был лучше, я так думаю. Я мягче был, наверное, я не знаю.

- Один человек мне говорил, что лагерь - это был лучший период в его жизни, самый формирующий из-за людей, с которыми он там встретился. У Вас не так?

С.П. - Может быть, он акценты неправильно расставил. Что он подразумевает, более бы ясно понять. Конечно, может быть, мне не приходилось с таким числом интересных людей встречаться, как ему, потому что в лагере, там всё-таки, несколько иной контингент. На спецу, это как пресс... он настолько мощный, я вообще смею утверждать, что он более мощный, чем в лагере, чем в зоне. Потому что в зоне при всей тяжести режима, при всех жестокостях, даже лагерное начальство воспринимает как врага, но как личность всё-таки. В ситуации же на спецу, там человек низведен почти до состояния животного. Ничтожество, какой-то санитаришко, который какое-то там гнусненькое преступление совершил, если он надо мной начальник, если он бог и царь, если он тыкает на меня пальцем: "Эй, дурак, иди ко мне! Бери тряпку, бери швабру и тут вымой!"

- Люди отзывались?

С.П. - /пауза/ В общем-то я сейчас с трудом припоминаю, во втором лице обращались "ты дурак" или нет. Но в третьем лице, это уж точно, это всегда. Так что мы были просто дураками. И потом, Вы знаете, это зависит в значительной степени, кто себя как поставит. Одни сами так себя ведут, что навлекают на себя этот прессинг и там что-нибудь. Другие более гибко себя ведут. А третий, допустим, вообще поддаются нажиму. Придёт там санитар, а кому-нибудь посылка пришла. Тот: "Дай!" И этот безропотно отдаёт. Кому-то носки пришли, тоже. Но я честно говоря, никогда никому ничего не давал из санитаров и как-то они уже к этому привыкли и попросту ко мне не подходили. Мне даже не приходилось отказывать. Потому что уже было известно, что санитару от меня не отломится. И вообще посылки редко приходили, так что перед такой проблемой просто редко приходилось стоять.

- Посылки были от матери?

С.П. - Да, от матери.

- Вы могли переписываться, письма писать?

С.П. - Вы знаете, письма ведь в первую очередь проходят через врача, хотя врачом это можно называть чисто формально. Я не знаю, какое название им придумать, потому что врачами, конечно, их называть было нельзя. Хотя, если быть до конца справедливым, то и среди врачей были люди разные и я не могу сказать, что меня все терроризировали. Как-то я попал... могу назвать имя... Эльвира Эдмундовна Ждан. Если я не ошибаюсь, она немка. И я просто не могу о ней ничего плохого сказать, хотя она в этой системе работала, но меня она как-то я не знаю, не дала на меня, а другие, я тоже могу назвать, Каменецкая Элла Петровна, от той мне доставалось, и галапиридол и сульфазин и трефтазин.

- Вы ощущаете последствия того, что Вас когда-то травили этими таблетками физически? Вы сильно ослабли за время пребывания в психушке?

С.П. - Вообще-то мне трудно этом судить. Вот если бы я мог быть в двух ипостасиях: как будто я ничего не получал, а потом сравнить, как на самом деле. Я не знаю, может быть и подействовало. В какой степени, я тоже не знаю. Наверное, подействовало. Я думаю, что это вопрос скорее специалисту. Это может влиять на память. И это зависит от того, через какие дозы прошёл и от длительности курса. Потому что мне однажды назначили инсулин. Я знаю, что это прескверная штука. Там повышают дозы, когда инсулин колют до такой степени, когда человек вообще теряет сознание. Так называемый шок. Инсулинотерапия. Да... И вот там была специальная палата для этой инсулинотерапии, когда человек уже входит в этот шок. Накануне перед тем, когда он должен войти в шок, его уже привязывают к постели. Представляете? Ноги, руки привязывают. Потому что он не просто в беспамятство впадает, а его корёжит, он кричит. Я наблюдал эти сцены, прямо скажем, отвратительные сцены.

- Вас привязывали?

С.П. - Да, меня тоже уже начали привязывать, это начинается с небольшой дозы, потом она увеличивается. И там я начал немножко симулировать. Как называется это состояние? Какую-то чушь начал говорить, как будто отключаешься и уже не соображаешь. И после этого меня вызвали, когда у меня началось, якобы не-понятное, меня вызвал терапевт, его имени я не помню, помню, что майор по званию. И именно терапевт отменил мне инсулин, за что я ему, прямо скажем, благодарен. Не знаю, из чего он исходил, но во всяком случае я был доволен, потому что эта перспектива, конечно, не радовала.

- А какой был диагноз?

С.П. - Шизофрения. Это самый распространённый диагноз.

- Каким образом Вам его поставили? Вас арестовали, забрали и обследовали?

С.П. - Стационарного обследования не было. Просто первый раз, когда я отказался от службы в армии, там провели в медсанчасть прямо в тюрьме, там две женщины, сразу я определил, что это психиатры. Там такой, довольно-таки дешёвый диалог: как Вы себя чувствуете, какое сегодня число, чем занимаетесь, запоминаете ли прочитанное. Вот так, обычная эта дребедень. И всё. Может быть, сорок, может быть, пятьдесят минут такой опрос, разговор вот этот длился, и на этом закончился. Это - так называемая амбулаторная экспертиза. Когда уже второй раз из следственной этой тюрьмы повезли меня в психушку в воронке в сопровождении конвоя и там уже в кабинете, непосредственно в психушке, там уже тоже беседа, длилась может быть, полчаса, плюс-минус. Тоже этим и ограничились.

- Сколько лет Вы там были?

С.П. - Я там был с октября 1971 по январь 1978 года. Это шесть лет с месяцами.

- Я думала, Вы с шестьдесят восьмого сидели.

С.П. - Нет, в первый раз я попал в вольную психушку, это было в 1969 году. А на спец, это я во второй раз попал. А первый раз, это была вольная больничка, психушка, никакого сравнения с тюремной. Это всё-таки, действительно гражданская больница, там нормальное питание, нормальный режим и нормальное отношение, сравнительно нормальное.

- А в первой Вы сколько времени были?

С.П. - А тоже где-то с год.

- У Вас есть какая-то реабилитация? В результате. И вообще, каким образом Вас выпустили, почему вдруг выпустили? Могли ли не выпускать?

С.П. - Вообще-то могли и не выпускать. Но дело в том, что, насколько мне известно /Ой, уже шесть часов! Вы знаете, мне ведь надо скоро ехать/. Я не знаю, насколько шизофрения вообще излечивается, по-моему человек находится в состоянии так называемой ремиссии, когда у него улучшается состояние, но которое ничего не гарантирует, которое в принципе, если человек больной, может вообще никогда не повториться, а может повториться и через месяц, и через полгода, и через три года. В общем, это трудно-предсказуемо. А что касается меня, то каждые полгода формально так называемые комиссии были, когда приезжал профессор, обычно это была такая профессор Блохина, как её зовут я не помню, по-моему, Виктория, но это не важно. Блохина фамилия. И через каждые полгода, тоже, довольно-таки разговор малозначащий, как Вы себя чувствуете, что принимаете, как настроение. Как настроение! В таком вопросе даже что-то содержится от садизма. Знаете? Как настроение!

- А как с реабилитацией? Вы реабилитированы?

С.П. - Нет, во-первых, сейчас как раз на эту тему шёл разговор на этой встрече, Верховный Совет принял закон о реабилитации. Вот. А какие-то механизмы ещё нужно разработать. Компенсации и всё такое. Но это вроде бы дело близкого будущего. Но я этим не занимался. И потом, понимаете, применительно к психушкам тут дело несколько сложнее, потому что тут не просто... Формально я даже и не был репрессирован, просто находился на лечении. Конечно, теперешний закон, который принят, он предусматривает

и эти случаи с психушками. Так что в данном случае всё-таки вопрос о реабилитации уже может стоять. Что касается медицинского аспекта, то это уже даже вне компетенции этого **закона**, потому что уже опять-таки в компетенции медицины. Был действительно болен, или не был болен – закон о реабилитации этот вопрос не решает.

– Кем Вы работали после освобождения?

С.П. – В первый раз я вообще поехал в Прибалтику и там устроился в совхозе просто рабочим – куда пошлют.

– Почему именно в совхозе?

С.П. – Во-первых, у меня специальности не было, когда я в первый раз освободился. А во-вторых, мне просто хотелось поехать тогда в Прибалтику. Где-то, как-то человек с бухты-барахты приехал без специальности и тогда мне было... Сколько мне было лет? Двадцать, около двадцати одного. Я не мог себе представить, где бы можно было без специальности ткнуться. А если поступать на учёбу, на какие-то курсы, знаете, там где-то учеником и прочее, везде нужно проходить медкомиссию, которая мне бы не оставляла никаких шансов, потому что в медкомиссии там отмечают в военном билете, там есть такая статья четвёртая. Это все кадровики знают в комиссиях медицинских, что это означает. Это означает, что можно развести руками и сказать до свидания. А в совхоз я обратился, Вы знаете, там особо их эти штуки не интересовали. А в последнее время всё-таки мне удалось закончить курсы киномеханика и я работал просто киномехаником.

– А сейчас тоже?

С.П. – Нет, сейчас я вообще занят другого... другими делами, которые для души и для сердца. Сейчас я просто могу себе это позволить, реализую свои творческие наклонности, я не хочу на

- 23 -

этом подробно останавливаться.

- Рисуете?

С.П. - Нет, на этот счёт, к сожалению у меня недостаточно таланта. Вот. Ну что, Софья, у меня поезд в 9.20.

Интервью с ПОТЫЛИЩНЫМ Сергеем Анатольевичем взяла Софья Чуйкина (НИЦ "Мемориал" Санкт-Петербург)

7-8 декабря 1991 года

Встреча бывших политзаключённых бывшего СССР.